

Уголки её губ дрогнули в едва заметной усмешке. Она неспешно протянула руку, поправила складки халата и, услышав лёгкий стук в дверь чертога, поняла, что ночь подходит к концу и скоро рассвет.

Ванъэр повернула к ней голову. Одного этого взгляда хватило, чтобы понять: в глубине души эта девочка сохранила ясность ума. Это её не удивило — Ванъэр была её избранницей, и если бы та не выдержала даже такой мелкой обиды, то не стоило бы тратить на неё столько сил.

И всё же, хоть она и ожидала этого, раздражение не покидало её.

Она холодно наблюдала, как Ванъэр опускается на четвереньки и ползёт к ней, с подобострастным выражением лица предлагая помочь переодеться. Юное тело девочки было стройным и белым, движения — гибкими и грациозными, словно у кошки.

В нынешние времена красавицы делились на два типа: изящные и скромные дочери знатных родов либо пышные и соблазнительные девушки с севера. Ванъэр происходила из рода Шангуань и по крови должна была принадлежать к первому типу, но, возможно, из-за растущего при дворе влияния варварских обычаев, в её манерах появилась некая кокетливая, яркая прелесть.

Она оттолкнула девочку, позволив ей помочь с одеждой, но оставаясь холодной. Новый император только взошёл на престол, дел было невпроворот, ни на минуту нельзя было расслабиться, но сегодня её охватила странная усталость. Она смотрела, как девочка покорно встаёт, нарочно или нет демонстрируя своё всё более зрелое тело, и раздражение в ней лишь росло. Когда Ванъэр снова приблизилась, она внезапно схватила её за руку.

Все служанки, достигшие определённого возраста, носили на руке клеймо, и Ванъэр не была исключением. Разница была лишь в том, что её кожа была необычайно белой, и сине-зелёное клеймо смотрелось на ней особенно уродливо.

Она провела большим пальцем по клейму, с удовольствием отмечая, как девочка прикусила губу, делая те самые мелкие движения, что выдавали её сдержанность. Настроение наконец улучшилось, и она небрежно бросила: «Сегодня ночью дежурство снова твоё».

Эта простая фраза заставила девочку весь день оставаться настороже. Малейшая её гримаса или движение тут же притягивали пристальный, долгий взгляд Ванъэр.

Почувствовав этот пристальный взгляд из тени, она намеренно одарила пространство своей обычной, загадочной улыбкой, заставив и Ванъэр в темноте, и сановников при свете дня трепетать в замешательстве.

С удовольствием наслаждаясь этим чувством всевластия, когда жизнь и смерть зависели от её воли, она дождалась ночи.

Когда служанки вышли, она остановила Ванъэр, собиравшуюся раздеться.

Девочка снова выглядела растерянной и тут же хотела упасть на колени, но она удержала её, взяла за руку и мягко подвела к ложу.

До кровати она сделала двенадцать шагов, неспешных и размеренных, будто прогуливаясь по ночному саду.

Ванъэр же сделала пятнадцать, несколько раз спотыкаясь. На седьмом шаге её рука

задрожала, на двенадцатом затряслось всё тело, а у самого ложа начали стучать зубы.

Она села и лишь тогда приказала Ваньэр раздеться, не отводя взгляда, пока та снимала слой за слоем свои придворные одежды. С каждым снятым слоем девочка украдкой поглядывала на неё, а дрожь становилась всё слабее. Когда она наконец осталась совершенно обнажённой, из её груди вырвался лёгкий, едва слышный вздох.

Она улыбнулась и поманила Ваньэр к себе, позволив этой самонадеянной девочке встать перед ней. Её колени коснулись тела Ваньэр, и нежная гладкость кожи девушки вызвала в ней лёгкую зависть. Она крепко сжала руку Ваньэр и, услышав вопросительное: «Ваше Величество?», — рассмеялась ещё сильнее, высоко подняв подбородок.

— Стой, — равнодушно бросила она, вытянув ногу и вставив носок между ног Ваньэр, слегка раздвинув их, а затем положила руку на её бедро.

Ваньэр с ужасом смотрела на неё, на глазах мгновенно выступили слёзы, но она сдержала их, лишь дрожащим голосом выдохнув: «Ваше Величество...»

Она приподняла бровь, и одного этого взгляда хватило, чтобы заставить Ваньэр проглотить все невысказанные слова. Девочка сдавленно замолчала, не смея даже поднять лицо, чтобы унять слёзы. Лишь слегка опустив голову, она позволила ей касаться своего тела, и, хотя её ноги дрожали всё сильнее, она не смела сдвинуться с места без её приказа.

Ей вдруг вспомнилось, как она сама впервые прислуживала императору Тайцзуну. Тогда она была такой же маленькой Цайжэнь, как и Ваньэр.

Конечно, Тайцзун не унижал своих наложниц намеренно, как она сейчас, но то пренебрежение, что исходило от него изнутри, было для неё ещё более унижительным. До попадания во дворец она строила множество планов, считая, что с её красотой непременно займёт своё место среди придворных, и тогда уже никто не посмеет обижать ни её, ни её матушку, ни её единокровных сестёр.

Увы, первая ночь развеяла все её иллюзии.

Тот, кого она считала и отцом, и мужем — император Тайцзун, — не удостоил её и взгляда. Её первое служение было крайне небрежным, а впоследствии она редко достаивалась его милости. Целых десять лет она влачила жалкое существование в забвении, прежде чем сумела завоевать любовь тогдашнего наследного принца, ныне покойного императора.

Она тщательно лелеяла эту привязанность, осторожно обхаживая императора, и шаг за шагом превратилась из маленькой Цайжэнь в Тяньхоу, мать всей Поднебесной.

Однако, хоть Тяньхоу и считалась равной Небесному Императору, это равенство было лишь формальным.

Её положение Тяньхоу не было таким прочным, как казалось со стороны.

Она отлично это понимала и потому, несмотря на свою безграничную власть, продолжала осторожно расставлять своих людей, кропотливо укрепляя влияние.

В отличие от её мужа и сыновей, её власть не имела ничего общего с кровью, фамилией или знатностью рода. Она выстроила её сама, шаг за шагом. Досадно было то, что именно из-за отсутствия кровных прав, даже став Тяньхоу, стоящей над всеми, кроме одного человека, её

власть всё равно не могла сравниться по легитимности с властью её сына, носившего фамилию Ли.

К счастью, теперь и муж, и сыновья покинули этот мир, и больше никто не мог помешать её власти.

Ей не хватало лишь одного — законного основания.

Она улыбку, глядя на Ваньэр. Дрожь девочки под её прикосновениями полностью изменилась. Теперь она уже не походила на ту, что дрожала от холода посреди зимней стужи, а скорее напоминала приятную дрожь, охватывающую человека, когда он с летнего зноя входит в прохладный павильон. Однако этот скрытый стыд и удовольствие лишь сделали лицо Ваньэр ещё бледнее, жемчужные зубки невольно обнажились, впиваясь в нижнюю губу. Если бы не слёзы, смывавшие румяна и оставлявшие на подбородке бледно-розовый след, она могла бы подумать, что перед ней стоит её собственная юная версия.

Тоже в чертоге Цзычэнь, у императорского ложа, она, будучи Цайжэнь, дрожала, прислуживая другому. Теперь же всё переменилось, и эта девочка, тоже Цайжэнь, дрожала, прислуживая ей.

Или, вернее сказать, это она соблазнила её.

Кто сказал, что женщины уступают мужчинам? Всё, что могут мужчины, она способна сделать, и даже лучше.

Она улыбку, усиливая нажим. Левая рука продолжала держать Ваньэр за запястье, а правая, в которой до этого работал лишь один палец, теперь двинулась вперёд всеми пальцами, неустанно лаская внутри, пока Ваньэр не выдохнула, не в силах сдержаться: «Ваше Величество...» В этот миг она резко рванула руку, и на пальцах остались капли крови.

Она подняла кусок ткани, чтобы вытереть руку, и тут же вспомнила, что это одежда Ваньэр. Взглянув на полуприсевшую девочку, она не стала звать служанок, а сама встала и бросила на пол старую монашескую рясу.

— Надень это. Скажи им, что Дань шумел, и я не спала всю ночь. Завтра совещание начнём позже. — Вспомнив кое-что, она обернулась и добавила с улыбкой:

— Эту рясу после тебя сожги, она мне больше не нужна.

<http://bllate.org/book/16278/1467061>